

воречий [5, с. 76]. Таким образом, при президентоналистском режиме глава государства де-факто, но не де-юре становится суперпрезидентом, воля которого отражается в полной мере и в деятельности парламента и в деятельности правительства. При режиме разделенного правления форма правления государства становится де-факто парламентской, где глава государства практически не способен повлиять на работу парламента. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в смешанной республике глава государства выполняет роль арбитра лишь при президентоналистском режиме, когда в суперпрезидентской республике такое положение главы государства существует постоянно.

Следующим признаком суперпрезидентской республики можно назвать наличие правительства, не подчиняющегося напрямую президенту. Правительство в таких республиках возглавляет Премьер-министр. Правительство может быть подотчетно, либо подконтрольно президенту. Такой высший орган государственного управления формируется зачастую при участии и президента, и парламента. Такой порядок формирования и существования гарантирует действительного разделения властей, где парламента не может навязывать свою волю правительству.

С вышеуказанным признаком непосредственно связан и другой – нейтральность главы государства. Нейтральность заключается в беспартийности главы государства. Это положение президента напрямую относится к его функции репрезентации, при помощи которой он представляет весь народ государства. Если же президент относится к какой-либо партии, то представляет интересы лишь партии. Нейтральность играет важнейшую роль в системе сдержек и противовесов в суперпрезидентской республике, так как нейтральный глава государства, участвуя в формировании правительства, не позволяет передачи контроля правительства парламентом, как то бывает в смешанных республиках.

Исходя из проведенного анализа различных источников, можно сформировать понятие сущности суперпрезидентской республики: суперпрезидентская республика – это самостоятельная форма государственного правления, отличающаяся наличием сильного, нейтрального главы государства – арбитра, разрешающего конфликты между ветвями власти, ввиду наличия полномочий во всех ветвях. Суперпрезидентская республика характеризуется так же наличием самостоятельного правительства, возглавляемого Премьер-министром, подотчетного парламенту и подконтрольного президенту, а так же парламентом, осуществляющим лишь законодательные функции государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие / В.Е. Чиркин – М. : Юрист, 1997. – 573 с.
2. Худолей, Д.М. Основные, гибридные и атипичные формы правления / Д.М. Худолей // Сб. науч. тр. / Пермский ун-т. – Пермь, 2010. – Вып. 4 : Юридические науки. – С. 233–238.
3. Конституционное право зарубежных стран : учеб. / Н.М. Кондратович [и др.] ; под общ. ред. Г.А. Василевича – Минск : Книжный дом, 2006. – 480 с.
4. Шмитт, К. Право и политика / К. Шмитт. – 1-е изд. – М. : Территория Будущего, 2013. – 448 с.
5. Лангинен, А.В. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти : предпосылки, причины, пути разрешения / А.В. Лангинен // Сб. науч. тр. / Пермский ун-т. – Пермь, 2009. – Вып. 3 : Юридические науки. – С. 195.

УДК 342

ПОНЯТИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

О.В. ВЕЛЮГО

(Представлено: И.В. ШАХНОВСКАЯ)

Рассматривается роль юридической доктрины в правотворческом процессе и правоприменительной практике. А также предлагается рассмотреть доктринальные коллизии как один из видов юридических коллизий.

Термин «правовая доктрина» имеет широкое значение и понимается: как учение, философско-правовая теория; как мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных правовых актов, а также проблемам правотворчества и правоприменения; как научные труды наиболее значимых ученых в области государства и права; как комментарии различных кодексов, законов, модели различных нормативных правовых актов [1, с. 111].

Общепризнанно, что правовая доктрина не является официальным источником права в Республике Беларусь. Однако доктринальное правосознание и правопонимание играют очень важную роль, поскольку

ку они оказывают влияние на развитие права и законодательства. М.Н. Марченко отмечает [1, с.111–112], что значительное влияние доктрина оказывает на правотворческий и правоприменительный процесс при наличии пробелов в праве, когда суды при вынесении решения сталкиваются с такими ситуациями, при которых рассматриваемые отношения не урегулированы с помощью правовых норм или опосредуются с помощью не совсем ясных, противоречивых норм.

На доктринальном уровне разрабатываются научные определения понятий и категорий, оцениваются действующие нормы права, а также предлагаются решения по совершенствованию законодательства. Например, М.С. Абламейко и Г.А. Василевич [2, с.100] предлагают разработать Информационный кодекс Республики Беларусь, который позволит комплексно регулировать отношения в информационной сфере.

Роль юридической доктрины особенно важна в таких сферах правового регулирования как законотворческий процесс и правоприменительная практика. Как отмечает А.И. Демидов, «отсутствие юридической доктрины оборачивается рассогласованием законотворчества и потребностей юридической практики, разрывом правовой теории и юридической практики, формирующихся под давлением своих собственных сиюминутных задач, не учитывающих перспективу развития друг друга; отсутствием в массиве юридической деятельности признаков системности. Правоприменительная практика также прибегает к доктринальным выводам и аксиомам, что происходит не только в позитивных, но и в негативных ситуациях. С одной стороны, этого требует многогранность общественных отношений, не позволяющая урегулировать посредством правовых норм их абсолютное большинство, с другой стороны, этого требуют коллизии и пробелы, имеющиеся в законодательстве, ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования тех общественных отношений, которые являются результатом нового этапа или иного направления своего развития» [3, с. 123].

Р.В. Пузиков [4] в своем диссертационном исследовании отмечает, что юридическая доктрина – это фактор, влияющий на правоприменительный процесс, основополагающий принцип в познании права. Именно через судебную практику как форму применения права раскрываются основные начала, «дух» становящейся правовой системы, нашедшие не всегда полное закрепление в законодательстве.

Н.И. Матузов подчеркивает [5, с. 241], что научное правосознание наиболее адекватно отражает то, как обстоят дела в правовой сфере. Справедливо отмечает В.Н. Дубовицкий [6, с. 11], что «правосознание» как совокупность идей, чувств, эмоций и т.п., на основании которых правоприменительные органы принимают решения по конкретным юридическим делам, всегда обусловлено той или иной правовой доктриной, понимаемой в широком смысле. То же относится и к «общим принципам права», под которыми понимаются исходные начала правовой системы (принципы справедливости, доброй совести, гуманизма и т.п.), на которые юристы ссылаются при отсутствии нормативного правового акта, прецедента, обычая и договора нормативного содержания.

В Республике Беларусь юридическая доктрина играет большую роль для развития правоприменительной практики, совершенствования законодательства, правильного толкования положений конкретного нормативно-правового акта, но официальным источником права не признается. К сожалению, при осуществлении правосудия судьи не используют ссылки на труды ученых-правоведов, хотя при принятии решения нередко руководствуются комментариями. В Республике Беларусь видными учеными-юристами разработаны комментарии к Конституции Республики Беларусь (Г.А. Василевич, И.И. Пляхимович), комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (В.Ф. Чигир) и иные. Эти все труды и есть юридическая доктрина.

Весьма важным для научного исследования являются доктринальные коллизии. Одним из первых их выделил в отдельный вид коллизий правовых норм Ю.А. Тихомиров [7]. Указанный автор отмечает [7, с. 66], что одно из главных объяснений коллизий и споров лежит в плоскости правопонимания, в котором отражаются разные подходы к праву и его роли, взгляды на развитие правовых явлений и оценки их соответствия правовому порядку. Таким образом, доктринальные коллизии имеют место тогда, когда происходит столкновение различных правовых взглядов по вопросу развития либо оценки одного и того же правового явления.

Понятие коллизия дается в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [8] и определяется как противоречие (несоответствие) норм действующих нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения. Однако сегодня понятие юридической коллизии понимается все более широко, чем то определение, которое дано в Законе. Некоторые ученые считают, что данное понятие это не только противоречие между правовыми нормами. Так, по мнению М.Ю.Тихомирова, «коллизия представляет собой столкновение противоположных сил, интересов, стремлений» [9, с. 202]. Ю.А. Тихомиров считает [7, с. 42], что расхождения юридического характера могут выражаться не только в правовых нормах, но и в правовых взглядах, в правопонимании, в правовых позициях и юридических действиях (бездействии).

Для дальнейшей детальной разработки вопроса, касающегося понятия данных коллизий, выявления причин их возникновения, рассмотрения механизма их разрешения необходимо ввести определение доктринальной коллизии. Еще раз отметим особенности доктринальных коллизий, высказанные Ю.А. Тихомировым. К ним относятся разные подходы к пониманию права и его роли, взгляды на развитие правовых явлений и оценки их соответствия правовому порядку [7, с. 66]. На основе этого считаем, что под доктринальной коллизией следует понимать противоречие (несоответствие) взглядов и подходов в понимании, а также оценки одних и тех же правовых норм и правовых терминов.

Выделим следующие признаки доктринальных коллизий:

- наличие двух и более позиций относительно одного правового явления;
- позиции в понимании или оценке должны не совпадать;
- мнение одного ученого должно противоречить, различаться с мнением другого ученого.

Таким образом, научное правосознание и толкование более точно отражает правовую действительность, поскольку строится на глубоких знаниях, специальных исследованиях и выводах. Однако, поскольку у каждого ученого уже есть свои сложившиеся представления о праве, то мнения по пониманию одной и той же нормы не у всех ученых будет совпадать, что и будет вести к возникновению противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко, М.Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2001. – 400 с.
2. Абламейко, М.С. Подготовка и принятие Информационного кодекса Республики Беларусь—настоятельная потребность времени / М.С. Абламейко, Г.А.Василевич // Вестн. Белорусского гос. ун-та. Сер. 3. – 2012. – № 2. – С. 98–102.
3. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их разрешения : научн.-практ. конф., Саратов, 3–4 окт. 2001 г. / под ред. А.И. Демидова. – Саратов : Саратовской гос. акад. права, 2001. – 320 с.
4. Пузиков, Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования : проблемы теории и практики [Электронный ресурс] / Р.В. Пузиков // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/yuridicheskaya-doktrina-v-sfere-pravovogo-regulirovaniya-problemy-teorii-i-praktiki>. – Дата доступа: 15.08.2015.
5. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учеб. / Н.И. Матузов, А.В. Малько – М. : Юристъ, 2004. – 512 с.
6. Дубовицкий, В.Н. Доктрина как источник права в романо-германской правовой семье / В.Н. Дубовицкий // Вестн. Гродзенскага дзярж. ун-та ім. Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2008. – № 4 (75). – С. 10–15.
7. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и научн.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. – М. : Юринформ-центр, 2000. – 394 с.
8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-3 : с изм. и доп. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=N10000361#load_text_none_1. – Дата доступа: 13.08.2015.
9. Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров ; под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.